

A movie poster for the film 'ИЗМЕНА' (Betrayal). The background is a scenic view of a beach with blue water and a clear sky. A man in a dark suit and white shirt stands on the left, looking off to the side. A woman in a dark, off-the-shoulder dress stands on the right, looking directly at the camera. The title 'ИЗМЕНА' is written in large, bold, white letters across the middle. Below the title is the tagline 'ВСЕ, ЧТО ОТ НАС ОСТАЛОСЬ' in smaller white letters. At the bottom, the name 'ТИНА ДЖЕЛЬ' is written in large, bold, white letters. In the bottom left corner, there is a small white box with the text 'СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ' (Contains profanity). In the bottom right corner, there is a white circle with the text '18+'.

ИЗМЕНА

ВСЕ, ЧТО ОТ НАС ОСТАЛОСЬ

ТИНА ДЖЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Джель

Измена. Всё, что от нас осталось

<https://litres.ru/74460263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж никогда не был примерным семьянином: весельчак, балагур, душа компании и любимчик женщин.

«Перебесится — говорила моя мама, — выбрала красавчика — терпи»

И я терпела...

Пока не узнала, что вместо командировки он уехал отдыхать ... с любовницей... в Египет, как раз перед двадцатой годовщиной нашей свадьбы.

А ещё меня тошнит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	69
Глава 13	76
Глава 14	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Тина Джель

Измена. Всё, что от нас осталось

Глава 1

ВНИМАНИЕ! Всё вымышлено, любые совпадение — случайность. События описанные в книге ни в коем случае не имеют намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства.
СТРОГО 18+

— Не спишь? – заискивающий тон подруги показался непривычным, но я не придавала этому особого значения.

— Нет, Юль, встала уже, не переживай. Сегодня муж из командировки возвращается, надо к встрече подготовиться, — игриво хмыкаяю в трубку. – А ты чем расстроена? Очередной седой волос у себя обнаружила? – пытаюсь шутить.

— Нин, ты там сядь, — игнорирует она мою шутку, — не прилетит твой ненаглядный сегодня, он там это... с бабой...отдыхает, — выдаёт мне сногсшибательную утреннюю новость подруга.

— В Нижневартовске? – переспрашиваю, не понимая ещё, что она мне вот сейчас хочет этим сказать.

— Если бы, — замолкает. – В общем, ты всё равно узна-

ешь. Полгорода уже эту новость обсуждает. Твой муж, блядь, чтоб его. Прости, Нин, если что, в Египте. Не один он там яйца греет на солнышке ...с бабой...

— Юль, ты ничего не перепутала? – перебиваю её, — он мне вечером вчера звонил...

— Он ночью мужа разбудил, — уже она меня перебивает. — Помощи просил. Их в самолет не пустили. Завернули, до выяснения. Борька с утра умотал дядек высокопоставленных поднимать, чтобы их вывезти оттуда, а то он ещё и в Египетскую тюрьму может загреметь...

— Не поняла? Это шутка такая?—туплю.

— Нет, не шутка, Нин. Он, в общем, отпиздил там мадам эту..., ну, с которой отдыхал, — продолжает меня радовать утренними новостями подруга, — уж не знаю точно, что там у них произошло. То ли поругались они, то ли она хвостом решила вильнуть и умотала развлекаться без него. Я не поняла, муж на кухне переговоры вёл. Я там хоть круги вокруг него и нарезала, но ухо в телефон засунуть у меня не получилось, как ни старалась. Но хорошо он там, по-видимому, приложился к физиономии её. У него кулачок, сама знаешь, тяжёленький. Да и сам он не маленький у тебя, — подруга моя в образ вошла, с выражением и энтузиазмом мне всё это вещает...

Я молчу. Давно таких интересных новостей поутру не слушала.

Сажусь на стул, на всякий случай.

— Нин, я приеду сейчас к тебе. Детей отвезу к маме и сразу к тебе..., — переходит она к текучке.

— Не надо Юль, — продавливаю ком в горле, — я в норме, не переживай.

Я не в норме. Вот совсем, не. Но видеть никого сейчас не хочу.

Даже лучшую подругу, с которой мы прошли огонь, воду, медные трубы и Академию Культуры и Искусств. А это вам не плюшки лопать, -- любит говорить мой муж – Иван Кох, с которым мы планировали отмечать фарфоровую свадьбу, после его возвращения из командировки.

И даже успели гостей пригласить...

Пока он не отпиздил свою любовницу ...в Египте.

Всю неделю я порхала, как бабочка. Счастливая, до безобразия.

Давно я себя такой счастливой не чувствовала. И... желанной...

Слёзы на глаза наворачивались, когда утром получала от него сообщения: «Доброе утро, любимая. Скучаю».

И по вечерам: «Хочу безумно. Люблю. Жди. Скоро приеду».

Пошлости мне всякие разные писал. Такие, что уснуть потом до утра не могла.

Жаль, что у него там, в командировке, со связью было всё не очень хорошо, да и занят он был постоянно. Но это не

портило мне настроения ни капли. Даже наоборот, — будоражило воображение и настраивало на горячую встречу...

Меньше чем через неделю, у нас юбилей — фарфоровая свадьба.

И я всей душой верила, что за эти годы мы смогли вылепить из грубой глины, элегантные украшения. Я столько сил на это потратила, столько вытерпела за эти годы.

Дочь с учёбы отпросилась, чтобы любимых родителей поздравить. С парнем своим планирует приехать.

Из ранних, она у нас. Уехала в Москву и быстро нашла там себе жениха. Замуж собралась. Рановато, конечно, но есть в кого, -- я сама в девятнадцать замуж выскочила. Так влюбилась в своего красавца, что замуж было невтерпёж. Да и забеременела я сразу тогда, деваться уже было некуда....

Все эти дни ходила и часы считала до нашей с ним встречи.

Подарки готовила.

Сервиз фарфоровый, дорогущий купила, как положено на двадцатилетний юбилей.

А тут, вот... счастья привалило...

Не унести...

Встаю со стула, и со злостью выбрасываю в мусорное ведро мясо, замаринованное по его любимому рецепту, пирог

...

Тошнота опять к горлу подкатывает.

Перенервничала...

Глава 2

Трындец!

Сползаю по стене на пол, бутылку с коньяком рядом ставлю...

Она лежит на кровати, поскуливает жалостливо, придерживая трясущимися руками холодные банки с пивом на переносице. Вокруг полотенца окровавленные разбросаны. Передёргивает от всего этого великолепия.

Зубы стискиваю до хруста. Ещё немного и рассыпятся нахрен в крошку.

Жалко её, но я не подхожу ... из-за её же безопасности. Знаю, что если подойду, она мне что-нибудь эдакое опять скажет своим змеиным язычком и сорвусь опять, чего доброго ...

Бляха...

Никогда в жизни на баб руку не поднимал, а тут, как не в себе был...глаза до сих пор дёргаются...и кулак...болит.

Докатился Кох, с бабой справиться не можешь...

Беру в руку бутылку, и, подержав её на весу, ставлю на пол. Не лезет.

И ведь столько раз пытался закончить эти никому не нужные отношения. И никак. А теперь хрен знает как мы отсюда вылетим, а у нас юбилей с женой. Гостей пригласили. Мне кровь из носа нужно быть дома.

Что она со мной делает?

Как у неё получается так выводить меня из себя? Она как будто давит на какие-то мои потаённые кнопки, о которых я даже и не подозревал никогда, а она прекрасно знает где они находятся. И давит, давит, давит на них. И эти её разговоры постоянные, расспросы...про секс, и как ты любишь...

Заведёт вечно своими намёками, и свалит в неизвестном направлении, а ты ходишь потом с опухшими яйцами на перевес да кровавыми мозолями на руках и думать больше ни о чём не можешь.

Не знал никогда, что меня вштыривают токсичные отношения...

Делаю всё-таки глоток из бутылки, — обжигает, оставляя приятное послевкусие, но не берёт.

Надо уже чемоданы паковать, но она так и лежит на кровати, бормочет что-то себе под нос. Меня по ходу проклиняет.

Врача бы ей вызвать не мешало, но как объяснить этим черномазым, что с её мордой? В ванной поскользнулась и пизданулась носом об унитаз? Можно попробовать, тем более, что от неё алкоголем прёт за версту.

— Анжел...

— Посажу...

— Я понял, давай врача вызовем...

— Все, кто мне делает плохо, получают по заслугам...

Пиздец, несёт её опять.

Опираясь головой на стену, глаза прикрываю. Надо поду-

мать...

Она сама ко мне тогда подошла. Хорошо тот день помню, хоть и был слегка нетрезв.

Мы с мужиками отмечали день сотрудников внутренних дел, и, по сложившейся, многолетней традиции, после ресторана, решили праздник продолжить в ночном клубе. Завалялись туда, пьяные в драбадан. На ногах уже еле стояли.

Сидим, бухаем, девочек рассматриваем, — они выстроились все перед нами, как на панели: жопами виляют, глазками стреляют. Кровь из головы сразу в другое место перетекла. На подвиги потянуло.

Борька пристроился к ней сзади. Руками вокруг её задницы водит, у самого глаза горят, изо рта слюни вот-вот потекут. Мы с пацанами наблюдаем. Сами заводимся от их эротического танца. Поддерживать их начинаем, а они и рады стараться...

Она его вроде и к себе не подпускает, но и не отталкивает. Жопой виляет перед ним, улыбается томно. Красивая зараза. Хоть ресницы и брови подпирают, но красивая: длинноногая, стройная, белобрысая, губами яркими манит — мозг вышибает напрочь от её полураскрытых губ. И сиська так ничего. Ну Борька и поддал газку, не сдержался: руки к её заднице и приложил.

И схлопотал оплеуху.

Вызверился, пьяный же.

А она ко мне на четвёртой скорости летит:

— Кох, друга своего успокой!

Я охренел, глаза на неё тарашу, никак понять не могу: неужели допился?

— М-м-м?

— Мы недавно с тобой встречались здесь, я тебя сразу узнала. Мы с Ритой были...

— Что за Рита? -- не втыкаюсь.

У меня этих Рит в знакомых, как собак бездомных. Вон бухгалтер у нас на работе, тоже Рита. Только она дама в возрасте, вряд ли я с ней в клубе мог встретиться. Но Борьку рукой останавливаю, до выяснения...

— Ну Рита, — лопочет мне на ухо. Трётся титьками своими об меня, а я плыву от её ванильно-карамельного сиропа, и от титек её плыву, ещё не понимая, кого это она так сильно мне напоминает, — вы учились вместе с ней, кажется, или парень её с тобой учился, я не помню точно. Мы с ней тебя здесь встретили как-то, ты нас ещё шампанским угощал, помнишь?

— Ритулька что-ли? — нихрена не помню.

Но Ритка девка хорошая, правильная. Свой парень, можно сказать. А своих мы не обижаем. Своих мы оберегаем, защищаем и никому в обиду не даём.

Ну и...понеслась...

«Только до дома довести, потому что машина в сервисе».

— Конечно довезу, как же не помочь одинокой девочке?

«Только чай попить, да на фоточки бывшей друга своего

посмотреть».

На хуй мне эти фоточки сдались? Я что бывшей своего друга никогда не видел? Видел.

Но шёл на эти самые фоточки смотреть, как полный дебил.

И доходился...

А что сегодня произошло? Хорошо же всё было. Я на романтик настроился, а она жопой вильнула и съебалась, как часто это у неё бывает. Какая муха её укусила? На «сиськи не первой свежести» обиделась или на мой отказ с женой разводиться? Ну так я вроде и не обещал на ней жениться...

Чуть с ума не сошёл, когда бегал по округе в поисках её ненаглядной. Мало ли куда по пьяни забредёт, и как эти черномазые на её белобрысую голову отреагируют. Увезут в гарем какой-нибудь и поминай как звали. А я приехал сюда с ней. Мы своих не бросаем.

Припёрлась сама...ночью. Пьяная.

Начала права качать, типа: «я не твоя жена-курица, я и без тебя не пропаду».

Крышу у меня и сорвало. Приложился я к её точёному носику своим кулаком.

— Вставай, — поднимаюсь с пола.

— Не подходи ко мне, — визжит, а меня опять трясти начинает.

Сжимаю кулаки.

— Надо ехать, дома разберёмся.

— Я это просто так тебе не оставлю, — встаёт, наконец, не курица.

Нихрена себе её развезло! Нос, по ходу, я ей всё-таки сломал сгоряча.

— Шляпу доставай,...и очки, — пытаюсь не реагировать на её визги.

Напяливаю на неё свои солнечные очки, поскольку её, стали ей маловаты. Мои тоже сваливаются с её маленькой головы, хоть на резиночку привязывай.

Вспомнилось почему-то, как в армии, в пустыне, нам панамы выдавали новые перед приездом высокопоставленных гостей. И те с наших лысых пряников слетали, когда мы по плацу в них маршировали. Приходилось нитками привязывать. И смех и грех.

Привязываю ей очки свои нитками к голове. Её трясти начинает, то ли с бодуна, то ли от страха и боли. Развожу таблетку аспирина. Хрен знает можно или нет, но больше с собой ничего не прихватил. Не планировал я такого поворота событий...

А в аэропорту её эти очки попросили снять и с интересом наблюдали, выстроившись в рядок, как я ей нитки разрываю, которые очки на голове у неё держали. Представление получилось на славу.

Посмотрели на морду её красивую и на рейс нас не пустили... до выяснения.

Попал...

Глава 3

Сажу на стуле, раскачиваюсь из стороны в сторону, в руках телефон верчу, на экране которого высвечивается улыбающаяся фотография дочери, а я никак не могу ответить ей.

Не хочу...

Потом...

Всё потом...

Прокручиваю в голове слова подружки. Внутри пустота удивительная. Ничего не чувствую.

Да и не понимаю особо ничего...

Как будто жизнь моя обнулилась, ничего не осталось.

Вот так просто, за какие-то мгновения, можно запросто перевернуть всё с ног на голову. Обесценить двадцать лет жизни. Растоптать. Унизить.

Страшно ...

«Я буду долго гнать велосипе-ед,

В глухих лугах его останавлию-ю,

Нарву цвето-о-в и подарю буке-ет

Той деvушке, которую лю-юблyю-у...» - раздаётся из мужского крыла общаги громкий девичий...не пение даже, визг, переходящий местами на ультразвуки.

Я прыскаю и поворачиваюсь к Юльке. Даже мне, не музы-

канту, режет ухо фальшивое пение этой горе вокалистки...

— Это Марго развлекается, — ржёт подруга, — парня какого-то допекает.

— Пойдём посмотрим, — мне интересно.

Я в общежитии всего несколько дней. Как раз после нового года переехала. Почти полгода пришлось снимать квартиру, пока очереди своей ждала. Скукотища. А Юлька с самого начала здесь живёт, и почти всех уже знает. Ей дали общежитие сразу, как студенту из малообеспеченной семьи да ещё и вокалисту. Они, да хореографы с театральными считаются у нас привилегированной кастой. Не то что мы — бибки и культурологи.

Заглядываю за угол: на полу, в мужской секции, сидят две девчонки, удивительным образом друг на друга похожие. Может из-за тугих дулек на головах у них это так кажется, а может и сёстры.

— Марго, блядь, чего ты хочешь за молчание, зубы ломит от твоего пения, — вздрагиваю от громкого мужского баса.

Так на девчонок засмотрелась, даже не заметила, откуда парень появился.

— Я не блядь, — орёт она ещё громче, — блядь там, — показывает рукой на комнату, — Димо-о-он, — переходит на визг, — выходи, кому сказала...

Юлька дёргает меня за пуховик, а я не могу с места сдвинуться.

Потому что этот парень, идёт прямиком на меня, опасно

сверкая глазами.

— Ципа-ципа-ципа, — наклоняется к моему лицу, нагло меня рассматривая, — Откуда это у нас тут желторотики такие смелые взялись?

Машу перед его носом рукой зачем-то с перепуга, и начинаю пятиться назад...

— Кох, это подруга моя, — загораживает меня своей спиной Юлька, — мы уже уходим... — и практически выталкивает меня в коридор.

— Это кто? — бегу по ступенькам вприпрыжку, а сердце колотится так, что того и гляди из груди выпрыгнет.

Никогда таких красивых не видела...живьём...только на картинках...

— Кох это, с кафедры вокального искусства. Мы с ним на хоре встречались. Его вся общага знает...и его легендарную «палочку» — фыркает, а я краснею, поняв, что она сейчас имеет в виду. Даже я, желторотая, как он меня обозвал, уже не раз слышала про эту самую... «палочку Коха».

— А девчонки? -- спрашиваю скорее, чтобы поменять тему, — Они сёстры?

— Нет, это две подруги с хореографического отделения. Рита, которая молчала, с лучшим другом Коха встречается, а Марго какого-то другого его друга достаёт, не знаю подробностей. Но, говорят, что он её не трогает только из-за Риты, — на этом месте я запуталась окончательно, но подробности уточнять не стала. Не интересны мне были девчонки. — А

ты постарайся пока на глаза Коху не попадаться, они любят тут над новенькими поглумиться, мало ли...

Но я попалась...

Принимаю, наконец, звонок от дочери.

— Мамуль, ты чего это мне не отвечаешь? Папа ещё не прилетел? — начинает тараторить ребёнок, вытаскивая меня своим бодрым голосом из транса.

— Нет, котик, не прилетел ещё, — пытаюсь говорить непринуждённо, но голос срывается и выдаёт петуха.

— Что у тебя с голосом, ты не заболела там у меня? — в голосе её прослеживаются заботливые нотки, от которых на глаза слёзы наворачиваются.

Прокашливаюсь...

— Нет, нет, нормально всё, — добавлю голосу бодрости, — проснулась только...

— Слушай, мы тут папуле такой подарок вчера купили, — заговорщицки начинает она, а я кладу руку на грудь, успокаивая своё разогнавшееся сердце, — камеру включи...

— Ой, а ты одна там будешь? — вскрикиваю. — Я не умылась ещё...неудобно..., — хитрю. Не хочу, чтобы она видела сейчас моё лицо.

— Одна мам, Арс ушёл на спорт, давай включайся...

Приглаживаю волосы рукой. Несколько растянутых вдохов-выдохов. На лицо улыбку натягиваю и включаю камеру. Куда деваться?

— Привет, ребёнок...

— Смотри, — взвизгивает возбужденно ребёнок, и начинает вертеть перед моим носом коробочку, а я быстренько прикрываю полотенцем на столе точно такую же, пока она её не заметила. — Мамуль, это «Rado capitain cook», лимитированная серия, вчера для папули купили. Как думаешь, он обрадуется? — спрашивает, а сама не ждёт моего ответа, не интересен он ей, продолжает сразу: — Арс сказал, что самый классный подарок для мужчины, — часы. Я ему про папу рассказывала. Думаю они найдут общий язык, — тараторит без умолку.

Глаза блестят счастливо, — бальзам на душу. Только бы у неё всё сложилось. Так хочется, чтобы ребёнок был счастлив...

— Ой, ты такая хорошенькая, подстриглась? Тебе так здорово! — переключается, вдруг, на меня, приближая лицо вплотную к камере, смешно «размазываясь» по экрану.

Прыскаю, не сдержавшись от её смешной мордашки..

— К встрече готовилась, папа же сегодня прилетает..., — даже непринуждённость и игривость в голосе появляется.

Что бабе для счастья надо? Счастливый ребёнок...

— Я вчера с ним разговаривала, — подхватывает дочь, — хотела ему твой подарок показать, но он на встрече был, камеру не мог включить...

— Ну да, у него там встречи постоянные. Он и со мной тоже, в основном сообщениями, разговаривает, — поддер-

живаю её, а на душе так моторно опять становиться.

— Тебе нравятся? — крутит коробку с часами.

— Дорогие наверное? — подыгрываю ей, и думаю: что вот мне сейчас с такими же делать? В магазин вернуть?

— Не волнуйся, — машет рукой, — Арс всё оплатил. — Он классный мам, правда. Я уверена, он вам понравится. И у нас столько новостей для вас, — зажмуривает глаза, — но пока ничего тебе не скажу. И не спрашивай. Я обещала. Мы хотим вместе вам всё рассказать. Тебе и папе.

— Не буду спрашивать, — обещаю, сама присматриваюсь к ней: светится вся, глаза блестят и, кажется, что поправи-лась немного, только хочу спросить, звонок в дверь...

Глава 4

Кого это принесла ко мне нелёгкая с утра пораньше?

Свекровь вроде не должна сегодня заявиться, через два дня только планировала она к нам приехать...с подготовкой помочь, — из груди непонятный звук вырывается: то ли всхлип, то ли смех истерический.

Останавливаюсь на минуту отдышаться, интуитивно узел на халате затягиваю, в глазок смотрю: взору моему Юлька является, с огромной сумкой наперевес и бутылкой вина в руке.

Распахиваю дверь.

— Ой, ты такая хорошенькая, подстриглась? — бодро начинает она, бесцеремонно двигая меня вглубь коридора своей массой. — Сколько ты тут одна уже отдыхаешь? — продолжает расспросы, как ни в чём ни бывало.

— Неделю, — отвечаю немного ошалевши от её визита, да и от всего остального тоже.

Никак от утренних новостей ещё не отошла, которые успела уже шлифануть разговором с дочерью и стою сейчас, пялюсь на неё, как тормоз...ничего не соображаю.

— Тебе на пользу отдых от семьи, выглядишь шикарно, хоть и в халате, — на этом месте я хмыкаю невесело, но она не обращает на это никакого внимания.

Ставит со стуком бутылку вина на тумбочку и начинает

по хозяйски стягивать с себя одежду, заполнив небольшой коридор не столько своими габаритами, сколько шумом, с которым она сейчас всё это исполняет, как всегда, впрочем.

После родов Юлька изрядно поправилось и несмотря на изнуряющие диеты, которыми она себя мучила поначалу и ненавистными тренировками, вес не уходил. Ходила вечно голодная и злая, как мегера. Срывалась с голодухи на всех и вся, пока муж ей категорически не запретил измываться над своим организмом, и она плюнула на всё. Превратившись опять в неунывающую, весёлую Юльку. Только толстую, как она говорит.

— С утра? — стреляю глазами на бутылку, отмерев.

— А ты шампанского хотела? — игриво хлопает глазками, и растягивает рот в улыбке похожей больше на гримасу, — ну извини дорогая, не поинтересовалась я твоими утренними желаниями, не до того мне сегодня было, — подхватывает бутылку и проходит мимо меня на кухню.

Я плетусь за ней, как неприкаянная, шаркая тапками.

— Нин, на стол накрывай, есть хочу, умираю просто, — командует. — С утра маковой росинки во рту не было... полночи сегодня не спала..., — поворачивается ко мне лицом, — Ну ты чего? Ты чего побледнела? — спрашивает уже серьёзно, а лучше бы не спрашивала.

Потому что от её вопроса у меня слёзы на глаза навернулись, которых не было до сего момента, а от мыслей о еде во рту собралась вязкая слюна и начало опять подташнивать.

— Суши хочу, — выдаю неожиданное, вытирая тыльной стороной ладони слёзы с глаз. Быстро наливаю себе стакан воды, бросаю в него дольку лимона, и вливаю это всё в себя, кажется, даже не глотая.

Чуть отпустило.

— Ничего себе? Ты же не любишь суши?

— Сегодня люблю, — заявляю упрямо, и меняюсь в лице, от нахлынувшей, на этот раз, обиды. Она наваливается на меня так неожиданно и резко, аж руки трястись начинают.

А суши я и правда хочу, хоть никогда их и не любила.

— Почему бы и нет, — соглашается Юлька, пожимая плечами, — пусть этот день будет другим, — добавляет невесело. — Нин, ты сядь лучше, а то на тебе лица нет. Я сама всё сделаю.

Слёзы из глаз брызжут фонтанами.

Юлька притихла рядышком, умерив немного свой натиск.

Беру полотенце со стола, чтобы высморкаться, да слёзы вытереть.

— Всё хорошо Юль, накрывай на стол, — бормочу, всхлипывая. — Я сейчас...суши закажу...сама...

— Сиди уж, сама она, — бормочет она в ответ, и начинает со знанием дела шуршать на кухне, параллельно делая заказ, не спрашивая меня больше ни о чём. Да мне всё равно, если честно. Даже лучше, что не спрашивает. — А это что?

— Отрываю полотенце от лица, следуя взглядом за её рукой:

— Часы...

— Дорогие?

— Ага.

— Поди весь свой гонорар за новогодние детские праздники потратила на подарок своему мудозвону?

— Ну почти. Я же уже Деду Морозу во внученьки не го-
жусь, старая стала. Дочь тоже уехала. Пришлось снегуроч-
ку в этом году нанимать, да и дедулю тоже, наш то вон, всё
больше по командировкам в тёплые страны теперь гоняет.
Деньги уже не те...

— А ты знаешь, что дарить мужу часы — плохая примета?
— перебивает.

— Да ладно тебе, все же дарят и ничего. Вон Варька моя,
с женихом, тоже часы папуле купили... точно такие же, —
фыркаю.

— Я когда-то Борьке хотела часы на его юбилей подарить,
мама меня отругала тогда, — к расставанию, говорит, — иг-
норирует она мою ремарочку.

— Не в часах дело, ты же знаешь.

— Знаю, Нин, — подходит, чтобы обнять.

— Не надо Юль, не надо меня жалеть, — выпутываюсь из
её рук. — Лучше вон, суши иди забери. Есть хочу.

В животе урчать начинает от предвкушения...

Суши, которые я никогда не любила, зашли на ура. Я даже
вина глотнула и меня не вытошнило. Но пить не хотелось
особо. Запах вина почему-то раздражал. Хотя в голове от

глотка веселящего напитка, приятно зашумело и как-то даже полегчало.

Ну что, я не знала что ли какой муж у меня? Знала. Мама меня предупреждала ещё когда я замуж за него собралась. Да и сама я прекрасно всё видела, но как и положено влюблённой дурочке, была уверена, что он обязательно изменится ради меня.

А я была от него без ума...

С первой встречи была от него без ума, или со второй...

— Юль, — без стука вваливается в нашу комнату Кох, пугая меня своим басом и ...собой. — Ой, — пригибается к моему лицу, — что это у тебя?

Я сижу за столом, в растянутых триканах и такой же майке, мои грязные волосы убраны в небрежный пучок, а из носа торчат кусочки лука. Нос жжёт безумно, из глаз слёзы ручьями льются, но Юлька говорит, что это лучший способ быстро победить простуду. И я терплю.

Он вытаскивает луковицы из моего носа и бросает из на стол:

— Болеешь что ли? — спрашивает неожиданно по доброму, даже заботливо как-то, а я краснею похлеще самого спелого помидора.

Отвожу взгляд от неловкости, и втыкаюсь им в батарею наших трусов, развешанных на верёвке, протянутой через всю комнату.

Хочется провалиться сквозь землю.

— Температура есть? -- интересуется.

— Тридцать семь...или... тридцать восемь...

— Понятно, — усмехается. — Градусник есть?

— У соседей, — несмело поднимаю на него глаза и опять заливаюсь краской.

— Щас, — говорит и быстро выходит.

Я подсказываю со стула, пытаюсь сообразить, что же мне сейчас делать и куда спрятаться, чтобы он меня не нашёл, но даже от стола отойти не успеваю.

— На, — протягивает мне градусник с порога, даже не имитируя стук, как и в первый раз.

И я послушно засовываю градусник себе под мышку, втыкаясь взглядом в часы, чтобы не смотреть на него, немея от его внимательного взгляда.

— И дрянь больше всякую себе в нос не суй, я сейчас тебе лекарства принесу...

И принёс...

— Нин, — подруга подсаживается ко мне ближе, — я спросить хотела. Всё утро думала, места себе не находила, извелась вся, пока до тебя ехала. — Замолкает.

А я съёживаюсь, пытаюсь спрятаться от её изучающего меня сейчас, внимательного взгляда.

— Что? — не выдерживаю.

— Он тебя бил?

Глава 5

Я поперхнулась от неожиданности.

— С ума сошла?! — возмущаюсь, прокашлявшись.

— Я тут Борьку своего в углу зажала, когда он домой вернулся. Пыталась его, калёным железом, — не слышит меня, — так вот, Кох, хорошо так приукрасил, блядину эту, нос ей сломал. Борьке пришлось на уши поднимать всех кого только можно и кого нельзя. Думали, частным самолётом придётся их вывозить, но вроде бизнес-классом летят. На ближайший рейс билет им нашли. Чего только не сделаешь для любимого друга, да лучшего баса хора ментовского, — философски добавляет, разводя руки по сторонам.

— Нет, ты чего...никогда..., — я как будто оправдываюсь перед ней сию. — Ты чего, Коха что ли не знаешь? — вырвалось.

Юлька только зыркнула на мои слова недобро.

А я добавила, чего уж теперь:

— Юль, он когда проштрафится, наоборот, шёлковый сразу становится, пылинки сдувает...

— Ну так где он найдёт себе ещё такую дурочку, которая ему все его выкрутасы прощать будет? — режет мне правду-матку. — Чать не мальчик уже, сороковник стукнул, пора бы уж и остепениться.

Прикусываю щёку до крови, чтобы не разрыдаться. Разго-

вор с мамой вдруг вспоминается:

— Гулять будет, — выдаёт мне мама, познакомившись с моим женихом.

Я беременная уже и мне почти всё равно.

Нет, мне не всё равно, — я люблю его и у нас всё будет с ним хорошо. Уверена в этом.

— Ну ладно, — успокаивает она меня, довольно наблюдая, из нашей малюсенькой кухоньки, как мой будущий, пока ещё, муж, чинит нашу прихожку, — рукастый, хоть бедствовать не будете. Вон глава клана Кеннеди, с женой был нежен и почтителен и никогда ни в чём ей не отказывал, имея при этом целый гарем из стюардесс, танцовщиц и начинающих актрис, показывая тем самым, пример своим сыновьям, — шепчет мне она, начитавшись опять какой-то хрени, — что его мать про отца рассказывает? — перескакивает резко с Кеннеди на нас.

Мне неприятно это всё от неё слышать, но я и возмутиться особо не могу: Кох рядом, может услышать, поэтому шепчу:

— У него нет отца.

— Бросил что ли?

— Не знаю, не спрашивала, — опять неприятно, аж передёргивает всю от её слов.

— Ну что ж, — вздыхает моя мама, — хоть от ребёнка не отказывается, и на том спасибо.

А он и не сомневался, кажется. Я боялась страшно ему говорить, когда узнала. Не хотела, чтобы вот так ...из-за ре-

бёнка, он на мне женился.

Но он развеял все мои сомнения сразу же:

«Справимся» — сказал мне, узнав о моей беременности и так прижал к себе, что мыслей в голове больше никаких не осталось.

В загулы, правда, знатные уходил, когда я на последних месяцах, домой уехала. Мне потом, чего только не рассказывали люди «добрые».

Но он нас такой заботой окружил, когда мы с месячной дочкой вернулись. Выбил нам отдельную комнату. По ночам с ребёнком гулять ходил, когда она коликами мучилась. Никакой работы не боялся. Всё для нас делал.

После учёбы друзья ему помогли на хорошую работу устроиться в нефте-газовую компанию. В хоре МВД пел параллельно, да и сейчас его частенько туда привлекают, — он не отказывается, если время позволяет. Всё-таки лучший друг его, хором руководит, а лучшему другу не отказывают.

Квартиру мы почти сразу с ним купили. Всего несколько месяцев на съёмной жили. Всё у нас всегда было. Не в чем его упрекнуть. Добытчик он хороший, семью способен обеспечить.

Я почти и не работала все эти годы, дочерью занималась.

Когда она подросла и нужно было по кружкам её возить, сразу машину мне купили.

И маме своей всегда помогает, брата младшего поддерживает.

Да и про моих родителей тоже не забывает.

В любое время дня и ночи его можно о чём угодно попросить — расшибётся, но сделает. И для нас. И для друзей. Все об этом знают.

В последнее время так у нас вообще было всё идеально. Как второе дыхание открылось: и внимание и ...секс, как в первые годы, и даже кофе в постель с цветами. Я нарадоваться не могла...счастливая ходила...

Не понимаю, что произошло...

Не верю...

— А Борька не проговорился там, случайно, что за мондавошку он себе нашёл? — спрашиваю подругу, чуть справившись с нахлынувшими на меня эмоциями.

— В общем, точно не знаю, но, кажется, какая-то Риткина знакомая. Может позвонишь ей? — предлагает мне.

— И что я ей скажу?

— Что скажу, что скажу? — передразнивает. — Спросишь, как дела. Вы же общаетесь, почему бы не позвонить? — я таращусь на неё, она — на меня. Сидим как две дуры, пялимся друг на друга. — Ладно, я сама, — сдаётся она первой и начинает копаться в контактах...

Меня потряхивать опять начинает... от страха: вдруг Рита мне сейчас вот что-то этакое расскажет, чего я не знаю и лучше бы мне этого и не знать....

«Может не ответит?» — успокаиваю себя.

Но она ответила.

И даже догадалась, зачем мы ей звоним:

— Нина с тобой? — спрашивает сразу.

Юлька прислоняется к моей голове со своим телефоном.

— А что?— уточняет, хотя мы с ней всё уже понимаем и без уточнений.

— Да ничего, — фыркает Рита, — громкую связь включай, что мучиться то? Нинель, привет! — называет меня, как Кох.

— Привет, Ритуль, — отвечаю ей автоматически.

Мы с ней не вот прям подруги закадычные, но отношения у нас всегда были хорошие. Дочь же моя, души в ней не чаёт. Маленькая когда была, бегала за ней, как хвостик. До сих пор про неё спрашивает всегда, хоть и видимся мы, в последнее время, редко. И муж мой не поменял о ней своего хорошего мнения, даже когда она с его другом рассталась. Считает её девушкой порядочной и заслуживающей его покровительства. Она в любое время может его о помощи попросить, только не помню, чтобы она это делала когда-либо, как многие другие. Может поэтому она пользуется у него особым уважением?

— Мне звонили сегодня ночью, — переходит она к интересующему нас вопросу, — все звонили. И Кох и подруга, — замялась на этом месте, — ну, подруга той с кем он там отдыхал. — Мы затаили дыхание с Юлькой. — Не знаю я точно, что там у них произошло. Коха я послала почти сразу, подругу — тоже. Сказала, что меня этот вопрос не каса-

ется...люди взрослые, — сами пусть разбираются...

— А кто такая? Знаешь её? — перебивает её Юлька.

— Знаю, но я с ней давно уже не общаюсь....странная она... мягко говоря.

Глава 6

— Странная, молоденькая в смысле, как мальчики седовласые любят? — опережает меня Юлька с вопросом.

— Да нет, — Ритка хмыкает в трубку, — она не вот прям девочка юная, на пару лет только меня помладше будет. За мужем...была. Сейчас развелась. Дочь у неё есть.

Я начинаю судорожно соображать, сколько же Рите лет, но в голове такой бардак, что ничего вспомнить не могу.

— Но она хорошенькая: стройная, длинноногая, губки бантиком, бровки домиком, всё как мальчикам нравится...седовласым, — ржёт, а меня корёжить начинает от её слов.

— Ты её с Кохом познакомила? — вырывается неожиданно грубо. Вовремя останавливаюсь: — извини Рит, просто, понимаешь..., — неудобно становится перед ней...

— Да понимаю я всё, не парься, — спокойно отвечает. — Нет, не знакомила я их. Мы пересекались в клубе...однажды. Кох с мужиками был, я — с ней. Мы поболтали тогда немного с ним, и они ушли. Не знакомила я их друг с другом. Это потом, скорее всего, они встретились...без меня уже. Мы давно с ней не общаемся.

— И она ничего не спрашивала про него?

— Спрашивала, но она про всех всегда спрашивала, не только про него. Она такая. На всех досье собирала. Но это я

потом уже узнала, а вначале мы просто тусили с ней вместе и всё. Я даже не знала, что она замужем, пока она меня в гости к себе не пригласила. Она никогда никому об этом не рассказывала. И кольцо не носила. Я охренела, когда узнала. Она очень хорошо выглядит. Девочка прям...

— А чего не поделили вы с ней? — перебиваю.

— Она, как я поняла, хотела меня под мужа своего подложить, чтобы развестись на лучших условиях, а я не подложилась...и, в общем, неприятности у меня были на работе серьёзные, на неё грешу. Но закончилось всё очень даже неплохо для меня, поэтому я просто прекратила с ней всяческие контакты и всё...

— Ого! — восклицаем с Юлькой в два голоса...

— Ага, сама в шоке была. — фыркает Ритка в трубку. — Она меня потом ещё долго сообщениями бомбила не особо приятными. Я даже заяву на неё хотела накатать — не успела, правда. Поездка у меня именно в тот момент довольно длительная случилась, а когда вернулась, просто поменяла всё: номер телефона, квартиру. В общем, забыла я про неё, если честно, до сегодняшнего дня и не вспоминала.

— Я помню, ты мне номер скидывала, но это давно было, — вспоминаю неожиданно, — а что писала-то она тебе? — интересуюсь.

— Сообщала, как скоро я умру...

Жутковато становится от её слов.

— А она это.., — слов не могу подобрать, — у неё с голо-

вой всё нормально?

— Да не знаю я, что у неё с головой, мне всё равно, понимаешь?! — Рита нервничать начинает. Думала уже, что пошлёт нас, но она продолжает: — она из деревни сама. Мама их бросила, когда она совсем маленькая была. Жила с отцом и мачехой. Брат у неё есть младший, с которым она не общается. Вышла замуж, чтобы из деревни уехать, и не скрывала этого особо. Нашла себе кандидата подходящего и целенаправленно его охмуряла, пока он на ней не женился. Ребёнка сразу родила. Ребёнка жалко немного, мать она никакая. Материнские инстинкты в ней так и не проснулись, — её слова, кстати. Она не разрешала дочери мамой себя называть, только по имени. И ребёнок, в основном, с папой время проводил. Муж у неё вполне нормальный. Обычный работяга, не алкоголик, не придурок какой-то. Неплохо вроде даже их обеспечивал. А она красotka. Образования нет ни хрена, зато амбиций выше крыши. Он вывез её из деревни, курсы ей секретарские оплатил. На работу устроил в солидную фирму. Мужики вокруг неё начали хороводы водить, она и возомнила себя королевичной и решила себе партию получше отхватить. Говорят, развелась, мужа без копейки оставила. Не думаю, что вот прям у неё что-то с головой не нормально, просто каждый к целям своим сам дорогу прокладывает. У неё вот такие методы..., — выпаливает на одном дыхании и замолкает.

— Спасибо Рит, — выдавливаю из себя, не знаю, что ей

ещё сказать.

— Нин, она не отстанет от него так просто. — Я молчу, — мне очень жаль, правда...

— Айрат приезжает, зайдёшь? — так противно становится от всего, что затошнило опять и захотелось тему поменять.

— Нет, дела у меня...к Марго еду...

— Он из-за тебя приезжает. Спрашивал про тебя...

— Мы расстались с ним Нинель, давно расстались, ты же знаешь. А я расстаюсь всерьёз и навсегда..., — обрубает меня резко.

— Что делать будешь? — спрашивает Юлька, через какое-то время, посасывая из бокала вино.

— Не знаю, — отвечаю ей, уставившись в окно. В руках бокал с вином верчу, чтобы руки чем-то занять, но пить не могу. — У нас гости послезавтра начинают подтягиваться. Дочь с женихом приезжает, родители. Вон даже Айрат в кои веки прилетает...

— Молодец Ритка, накосячил мужик, — в бан его, — восклицает подруга и со стуком ставит бокал на стол.

— Почему ты думаешь, что он накосячил? Никто не знает, что между ними произошло, они никому ничего не рассказывали. Я думала, может, родители его не разрешили, он же не из простых..., и там у них, помнишь же, что случилось... — поддерживаю тему, чтобы только о своём не думать.

— Да нет, накосячил он, уверена, а она его не простила,

— настаивает подруга. — Кох ведь всегда её защищал, даже когда она с ним рассталась. А подругу её, помнишь, как третировал, когда та Димона на другого променяла? Марго даже как-то на крыше без трусов отсиживалась, пока Ритку искали. Что делать-то будешь, Нин? — возвращает она разговор на круги своя...

— Мне кажется Варька ребёнка ждёт, — говорю, и хочу уже добавить: и я тоже, но не успеваю.

Телефон у неё звонит:

— Приземлились, — сообщает мне Юлька...

Глава 7

— Боец! — встречает меня Борька около машины, когда я выхожу из больницы.

— Хренец, блядь, — отвечаю раздражённо. Всю дорогу, пока ехали он нагло ржал сам с собой, что-то напевая себе под нос. — Сигарету дай.

— Ты же бросил? — тарашит глумливо глаза.

— Передумал, — беру из его рук пачку, вытряхиваю сигарету, прикуриваю.

— Как ты её вёз вообще, она же никакущая?

— Как, как, -- затягиваюсь с каким-то остервенением, — как «Колю из Лыково», блядь.

— За счёт предприятия? — Борька ржёт, как жеребец, но больше не раздражает. Сигарета успокаивает, да и воздух родной тоже благотворно влияет. Начинаю потихоньку приходить в себя.

— Её накачали там чем-то...эти черномазые, за бешеные деньги, — начинаю рассказывать, когда сели в машину, — она и отъехала: ни стоять, ни сидеть, а положить её некуда, — всё битком забито. Пока рейс не подтвердили, пришлось на себе таскать. Даже в сортир не сходить, чуть не обоссался, пока самолёт ждал. Когда зарегистрировали, попроще стало, там хоть места были...положить можно...

— Хорошо, хоть не обоссался, — поддевает.

— Блядь, заткнись, а? Без тебя тошно, — огрызаюсь, а сам продолжаю: — в самолёте чуть не обоссался. Положил её, — она стонать начала, как раненая, — замолкаю, мысли в кучу собираю. — Ну там стюардессы сразу набежали, — она мычит, на меня показывает. Я сижу, как debil, только руки развожу, да улыбаюсь: не знаю типа ничего, перевожу труп, — ёрничаю и выдыхаю облегчённо, как будто выговориться нужно было.

— Заяву напишет, как думаешь?

— Да хер её знает? Может и напишет, грозила так-то, — вырывается истерический хохот. — Только кто ей тогда морду новую оплачивать будет? Там счета нехилые выкатили...

— Муж?

— Обьелся груш...

— Кох, вот чё тебе спокойно не жилось, а? — срывается, — ну ходил бы на лево по тихому, как всегда. Нет, надо было вляпаться.... Ведь сразу ясно было, что по тихому с ней не получится, ты что нюх потерял, или приключений на заднице тебе захотелось? Не понимаю, правда...

Не обижаюсь на него.

— Каждый вечер, думал: всё, хватит, пошла на хуй, а на следующий день всё по кругу, — отвечаю, как на духу. — Не знаю, что с ней не так, но заводит блядь, ничего поделатъ с собой не могу. Сейчас морду ей подреставрируют, раз так получилось, и на хуй...всё...достала своими выебонами...

— Ну, ну..., — выдаёт он задумчиво и начинает цитиро-

вать: «Ты можешь сказать — о чём эта песня?»

«О любви» — продолжаю невесело.

«Какая ж это любовь, когда она из него только подарки вымогает?» — заканчивает он диалог из фильма «Механическая сюита».

Я усмехаюсь. В чём-то он прав. Деньги она любит. Запросы у неё не хилые. Одна машина только чего стоит. Жене такую не покупал...

Тру подбородок:

— Нинель знает?

— Да полгорода уже эту охрененную новость обсуждает, — радуется меня друг. — Юлька с утра к ней убежала, успокаивать. Я сообщил ей что вы прилетели...

— Кто рассказал?

— Юлька наверное, но не неуверен, что она первой была. Ты кому звонил?

— Ритка в курсе, я звонил ей на нервах, но она девка-крепень, не будет никому ничего докладывать. Да и не общаются они особо, в последнее время.

— Ну сама может и не будет, но если позвонят, то почему бы и не рассказать...

— Да хрен её знает... так-то похрен, кто рассказал...

— Может в гостиницу тебя отвезти? Отдохнёшь, нервы успокоишь, в себя немного придёшь и Нине дашь время успокоиться? — спрашивает, подъезжая к дому.

— Нет, домой, — отвечаю уверенно, — у нас же празд-

ник в эти выходные — юбилей, как никак. Хренова куча гостей приезжает. Маман с братом, уже через день планировали приехать, с подготовкой помочь. Родители жены скоро подтянутся. Да и дочь с женихом будут. Даже с родителями, по моему прикатят. Нинок им гостиницу бронировала. Так что, надо сегодня все вопросы утрясти, кровь из носа.

— Оптимист блядь...

— Не будет она при родственниках скандал устраивать, знаю я её. Тем более, что дочь не одна приезжает...с женихом, — поднимаю палец, — а это вам не плюшки лопать. Единственная дочь всё-таки. Не будет мать позорить своего ребёнка перед новыми родственниками. Там у неё жених богатый, не из простых. Они нас в Черногорию на отдых пригласили, дом у них там, и мы, кстати, приглашение уже приняли. Там, кажется, даже билеты уже забронированы...

— Быстрая она у вас..

— Ну а что тянуть, девятнадцать...в маму пошла. Зайдёшь? — спрашиваю, когда Борька глушит мотор. — Поддержишь друга...

— Нет, ты чего Вань, я не могу, у меня прободение язвы желудка может начаться в любую минуту, ты же в курсе..., — начинает опять глумиться. — Так что успехов тебе друг, а я домой, к жене под бочок. Звони, если помощь понадобится.

Придурок, блядь!

Открываю дверь тихонечко. Захожу. Свет не включаю. Прислушиваюсь — тихо. Подумал уже, что нет никого, —

но следом лёгкие шаги слышатся, жена в проёме появляется. Останавливается, не подходит. Смотрю на её силуэт: в легинсах и длинной футболке — стройняшка.

— Я вернулся, — говорю бодро, и свет включаю.

Она молчит. Смотрит только.

Я тоже её рассматриваю, — она как будто какая-то другая. Бледная. И... хорошенькая. Или я не видел её просто давно?

— Загорел, — вдруг выдаёт сухо.

— Да, с погодой повезло, — отвечаю автоматически. Сумку на пол бросаю.

— Можешь не раздеваться, тем более, вещи с собой. На первое время хватит, остальные соберу тебе...потом...

— Нинель, надо поговорить, — не даю ей закончить.

— Я уже всё знаю...

— Это ошибка Нинель. Я всё тебе объясню, — хочу к ней подойти, но она отходит от меня.

— Уходи Кох, видеть тебя не хочу.

— Куда я уйду? — возмущаюсь. — Это мой дом...живу я здесь...

— Я развожусь с тобой...

И я взрываюсь на этом месте:

— Да что ты говоришь? Развожусь! А на какие шиши жить собираешься? Варька уже большая, даже алименты сейчас тебе не положены. Работать пойдёшь? Да ты же ни одного дня на нормальной работе не работала. Даже праздники уже прошли, — вижу, как у неё губы затряслись. Жалко стано-

вится. Сбавляю обороты. — Нинель, давай поговорим, а? Я устал, как собака. И жрать хочу, — в животе урчать начинает с голодухи.

— Жрать пусть она тебе готовит, — бросает и поспешно уходит. С грохотом закрывая дверь в спальню.

Подхожу к комнате, дёргаю дверь, — закрыта.

Прислушиваюсь.

Плачет что ли?

Примечание: «Коля из Лыково» - отсылка к фильму «Механическая сюита»

Глава 8

Дверью хлопнула так, что стёкла в окнах зазвенели..

Сползаю по стенке на пол, глотая подступающие к горлу слёзы, готовые вырваться наружу, в любой момент. Давно я так не рыдала...

Может гормоны ещё, конечно, разыгрались. Трогаю грудь руками, — неприятно, даже больно немного. А я ведь до последнего думала, что климакс ко мне в сорок пришёл, а похоже, всё-таки, что нет...

Как насмешка свыше какая-то: хотели сына — получите, распишитесь, и не важно, что не вовремя.

Без понятия, что делать теперь.

Да и выходить отсюда рано или поздно всё равно придётся. Сколько я здесь прятаться буду?

Главное, при нём не разрыдаться.

Не хочу, чтобы он слёзы мои видел. Не хочу ему показывать свою слабость. Не хочу, чтобы он понял, как мне страшно сейчас и ... горько. И как непросто.

За двадцать лет брака, всякое в нашей жизни бывало. Ругались мы с ним немало, в первые годы. Друзей много у него было всегда, в загулы он уходил нередко. Я ждала его до утра, плакала, потом истерики закатывала. Пока притёрлись, да заматерела я — годы прошли. Но так, чтобы в открытую мне изменять, не было такого никогда. А в последнее время, так

вообще всё идеально у нас было, как я думала...

Или я просто не замечала ничего?

Стон из груди вырывается. Зажимаю рот руками. Дышать начинаю глубоко, чтобы успокоиться.

Не ожидала я от него, что он вот так, будет меня попрекать, что я не работала все эти годы...

Как будто я вообще ничего не делала, только деньги его тратила.

Никогда никакой работы не боялась. В студенческие годы с маленьким ребёнком мероприятия проводила. За кулисами, считай, ребёнок вырос. Бабушек под боком не было, если подружки посидеть не могли, то с собой её всегда брала.

А потом: то в школу её, то по кружкам. Когда подросла: концерты, конкурсы начались. Мы в тот период шутили постоянно, что работаю водителем и костюмером у дочери своей, без выходных, отпусков и перерывов на обед. В Гнесинку ведь на эстрадно-джазовое отделение, просто так не поступают. Туда даже за деньги, без подготовки не берут. А её у нас сразу взяли.

Какая работа с таким графиком? Да и денег нам хватало, он ведь сразу почти начал неплохо зарабатывать.

И всё равно, нельзя сказать, что я совсем уж не делала ничего. Новогодние праздники до сих пор меня приглашают проводить, а там деньги не маленькие в сезон можно зарабатывать.

Чёрт! Часы ведь так на столе и остались лежать.

Подскочила с пола, заметалась...

Ухо к двери приложила — тихо. На кухне, наверное, сидит.

Ладно, что уж теперь, — хмыкаю.

Сползаю опять по стенке на пол, телефон в руке завибрировал, — Юлька. Скидываю звонок, в ванную иду.

Благо, ванная у нас своя. Выходить никуда не надо.

Закрываюсь, на всякий случай.

Перезваниваю.

— Ну, как дела? — начинает подруга, а мне так и хочется ей ответить: «да пока не родила».

Слёзы вытираю и выдаю на одном дыхании:

— Сказал, что сильно ошибся, развода не даст, а если буду настаивать, то ни шиша не получу. Уйду от него, в чём мать родила, всё его, — и громко высмаркиваюсь. Салфетку в унитазе смываю.

— Ты в туалете что ли?

— Ага, закрылась.

— Ну может надо было под дурочку закосить? Сначала подготовиться, если уж решила разводиться, а потом объявлять, а не так в лоб? — выдаёт неожиданное подруга.

— Это как? А как спать с ним после всего этого? — опешила я.

— Ну подумаешь, два коротких толчка на сухую, один длинный и стон удовольствия, как будто ногу дверью прищемил, и всё-ё..., — тянет она, — на бочок, с чувством выпол-

ненного супружеского долга. Можно и перетерпеть...

— Ну Кох не такой вообще-то...там не два..., — начинаю я и затыкаюсь. Никогда ни с кем не откровенничала о таких вещах, даже с лучшей подругой.

— А он там не избавился ещё от знаменитой праздничной гирлянды? — вдруг спрашивает меня она.

— А ты-то откуда знаешь такие подробности?

— Ну ты даёшь, Нин! Об этом вся общага знала, напоминая тебе, если ты забыла. Я про «палочку Коха», узнала раньше, чем Коха увидела, как и ты, — добавляет.

Я поджимаю губы.

Что правда, то правда.

Но слышать — это одно, а увидеть собственными глазами — совсем другое. При виде его колбасы в пупырышек, я чуть было не дала дёру, в нашу первую с ним брачную ночь, забыв про любовь.

На тот момент я и мужиков-то голых только в порнофильмах видела, которые впервые посмотрела с подругами в общежитии.

Сбежать он мне тогда, конечно, не дал. Объяснил всё спокойно. Потрогать разрешил. До сих пор краснею, вспоминая ту нашу первую ночь, после которой у меня поднялась температура...

Потом просветилась и, с удивлением, узнала, что это довольно распространённая практика, пришедшая к нам из азиатских стран и ставшая модной среди молодых парней. В

армии они себе красоту наводят, в антисанитарных условиях, мечтая о девочках. И не боятся ведь ничего.

Поначалу просила его от этого всего избавиться, так меня его пупырышки на члене страшили. Потом привыкла.

— А вообще, я статейку недавно читала, что сейчас это очень модно опять, — продолжает мои мысли Юлька, — в Великобритании вон пишут, мужики инъекции гиалуронки себе поголовно делают, чтобы член увеличить...

— Исследования британских учёных? — я даже хохотнула, — Юль, мне жить негде, ты мне про члены втираешь...во-время однако...

— Да я растормошить тебя хочу..., — вздыхает показательно тяжело, переключаясь на насущное: — не бойсь, Нин, прорвёшься, баба ты или как? Если уж совсем жить негде будет, у меня проживёшь. У нас квартиранты съехали, не буду искать пока никого. Часы сдашь, вот тебе и деньги на адвоката. Найти бы ещё нормального. Надо спрашивать. Да и без работы, думаю, не останешься, возить тебе больше некого, — захотелось завить на этом месте. — А вообще, я не удивлюсь, если у мужа твоего, половина имущества на мамочку оформлена, ты не проверяла? — выдаёт мне неутешительную версию подруга, а я задумалась глубочайше. — Эй, ты где там? Это к тебе рвутся? — прерывает мою задумчивость она.

На экран молча смотрю:

— Ага, свекровь звонит.

— Ну вспомни, кхм, — прокашливается, а я прислушиваюсь к шороху за дверью.

— Нинель..., — Кох тихонечко стучит в дверь.

— Нельзя, — ору во всё горло, понимая, что дверь эту моменткой легко можно открыть, раз уж подсуетился он и ключи от комнаты нашёл.

— Мама звонит, говорит, что не отвечаешь, — басит через дверь.

— Это твоя мама...

— Она любит тебя, как родную, ты же знаешь. И у неё больное сердце, ей нельзя волноваться.

— Перезвоню. Скажи, что я в туалете, — говорю, и сдохнуть хочется от безысходности.

— Раечке привет, — подбрасывает хвороста в огонёк подруга, — и держись там...Нин...

Глава 9

Сбрасываю Юлькин звонок и какое-то время ещё стою. В голове сумятица, ни одной здоровой мысли. Ни одного решения, только боль и разочарование.

Мой муж трахал другую бабу, пока я тут к нашему юбилею радостно готовилась, да деньги на подарок ему зарабатывала. Пока пыталась всем угодить: ему, дочери, свекрови, его друзьям и радовалась, как ребёнок, что он наконец, повзрослел, — домой после работы бежал. Внимание мне уделял. Подарки дарил, цветы...

Я расслабилась, в счастье своё поверив.

А оказывается не загулов нужно было бояться, а тишины, и... внимания его чрезмерного.

Подушечки пальцев покалывает от напряжения. Растираю их с остервенением каким-то, до красноты.

Беру телефон, свекровь набираю, выходя из комнаты.

— Ниночка, что-то ты не отвечаешь, звоню тебе, звоню, — отвечает сразу, как будто только моего звонка и ждала всё это время.

— Занята была Раиса Павловна, потом с Юлкой беседовала, привет она вам передаёт, — отчитываюсь.

— Понимаю, понимаю, муж из командировки вернулся, дела у вас...

— Что-то срочное? — перебиваю, сама за Кохом наблю-

даю.

Он глаз с меня не сводит. Как цербер на страже стоит. Следит за каждым моим движением, каждым словом.

— Да нет, хотела попросить тебя, чтобы вы нас у себя поселили. А то Ванечка говорит, что гостей иногородних вы расселяете по гостиницам. А я не хочу в гостиницу, не люблю я гостиницы эти. Мне у вас хорошо. Да и соскучилась я, хоть поговорить, вместе побыть. И Артурчику у вас лучше будет. Тем более, что Варваркина комната свободна, сына можно туда, а я уж в своей, как всегда, — своей она называет нашу гостевую, в которой обычно живёт. — А ты ничего там не узнала про учёбу, пора ведь уже? Скоро у него экзамены, не дай бог в армию заберут. Я не выдержу. Слабенький он у нас, не приспособленный ни к чему, нельзя ему в армию. И очень уж хочет он к вам переехать, с утра до вечера мне только об этом и талдычит, — чуть не взывала на этом месте.

Почти двухметровый мальчик Артур, двадцати одного года от роду, — младший брат Коха.

У них разные отцы. И младшенького своего мама его родила уже в зрелом возрасте, от своей самой большой на свете любви. Только под венец, эта самая любовь, её так и не повёла. Как и отец Коха, впрочем. Мама его настойчиво пытается сбегать своего младшенького к нам. А я прям не хочу. Хоть и знаю его с детства, он всего на пару лет дочери моей старше. Маленький был когда, свекровь его нередко к нам привозила, когда сильно уставала: «а что? Одним больше,

одним меньше, всё равно дома сидишь, с ребёнком. Какая тебе разница?»

Парень он вроде неплохой, балбесина, правда, да и избаловала она его. Ничего делать не хочет. Но они все в этом возрасте немного балбесы, перерастёт,...может быть. И не хочу я ещё одного взрослого ребёнка на себя взваливать. Особенно сейчас.

— Вы с Ваней на эту тему поговорите, когда приедете. Он лучше в этом вопросе сможет вам помочь, — пытаюсь переложить хотя бы один вопрос на Коха, взгляд на него поднимаю — он так и продолжает пялиться на меня. Испепеляет взглядом своим.

— Ну он же работает, откуда у него время? — возмущается.

— А у него эта неделя выходная, он только из командировки вернулся. Думаю, найдёт время...

— Ну ладно, — перебивает недовольно, — приедем, обсудим всё, подумаем вместе, как лучше. — По пирожкам твоим соскучилась, — переходит опять на слащавый тон. Жду не дождусь, когда уже увидимся. Так соскучилась...не передать словами...

Не стала ей подыгрывать на этот раз.

Попрощалась сухо. Не удивлюсь, если выскажет своё недовольство сынуле. Да и плевать.

— Нинуль, — зовёт меня ласковым голосом муж, когда я разговор с его мамой сбрасываю, — покормишь? — просит

жалостливо. Как будто и не произошло этим утром ничего. Так, шалость мелкая.

— Ага, — отвечаю, пребывая всё ещё в какой-то прострации. Вытаскиваю ведро, куда выбросила всю приготовленную еду этим утром. Двигаю ногой в его сторону. Открываю. — Вот, можешь разогреть...

Поднимаю взгляд на него и страшноовато становится: глаза его вспыхнули недобро, желваки по щекам ходят, губы сжаты в полоску.

Хрен его знает, как он отреагирует на мой выпад. Мы с ним сто лет уже не ругались. Раньше в шутку бы всё перевёл, и прощения попросил, а сейчас?

Ещё размажет по стенке...

Сглатываю нервно, но остановиться уже не могу.

Беру коробочку с часами со стола. Хочу в руку ему их засунуть, но кулаки его сжаты, поэтому кладу их опять на край стола, от греха подальше:

— Это тебе, — показываю пальцем, — подарок на наш юбилей, от неработающей жены, — разворачиваюсь и иду в прихожую. Напряжение между нами зашкаливает. Спина горит от его взгляда. Искры летят в разные стороны, того и гляди вспыхнет.

Надо проветриться.

— Нинель, — следует за мной.

— Мне нужно в магазин, к приезду родственников твоих подготовиться, — голос даже не дрожит, в этот момент. —

Надеюсь, ты карточку мне не заблокировал? — меня несёт.

— Ты жена моя, как я могу, — мямлит неуверенно, — я погорячился, Нин. Давай поговорим...

— Не сейчас, Кох, — выбегаю практически из квартиры. Я так любила его. Господи, как же сильно я его любила!

Готова была простить ему всё...когда-то. В общежитие, когда он вечером не приходил, искала его ходила. Разорвать хотелось, когда обнаруживала его в компании друзей и подруг. Но он не возмущался никогда, когда меня видел. Вставал и шёл всегда сам за мной. И я сразу отходила. Забывала все его провинности. Да и мама моя успокаивала меня: «молодой, перебесится».

И мне казалось, что перебесился.

Нарадоваться не могла в последнее время. Счастлива была. По-настоящему счастлива. Планы строила...

Так вдруг плохо становится от всех этих воспоминаний, что задохнуться начинаю...

Останавливаюсь, ртом воздух начинаю ловить...

— Девушка, вам плохо? — поднимаю взгляд на голос: парень передо мной стоит с собакой.

Хлопаю ресницами. Оглядываюсь по сторонам. Сама не поняла, как в парк пришла: кругом люди гуляют. С детьми. С собаками. Солнце припекает уже совсем по-весеннему. Снег тает, ручейки начинают журчать. Птички порхают, по голым, пока ещё веткам, но песни у них уже весёлые...весенние совсем.

— Всё хорошо,...тепло сегодня..., дышу свежим воздухом...

— Да, погода отличная..., — рассматривает меня внимательно.

Жмурюсь от яркого солнца, бьющего мне прямо в глаза. Улыбаюсь.

— Она не кусается у вас? — спрашиваю его, только чтобы что-то спросить, кивая головой в сторону, радостно прыгающего, вокруг меня, чёрного пса.

— Нет, не бойтесь, он добрый у нас. И вы ему понравились, вон как скачет вокруг вас. А вы одна гуляете? — вдруг интересуется.

— Да, решила воздухом подышать...подумать...

— Не будем вам мешать тогда...думать. Блюз, — зовёт своего друга, лабрадора, похоже, — вспоминаю породу. — Хорошего дня вам, — говорит и удаляется...

А жаль, — вздыхаю даже, и что-то, как будто, надломилось в этот момент у меня внутри.

Вытаскиваю телефон, набираю Риту:

— Ты правда уезжаешь?

— А что? — таким тоном спрашивает, как будто послать меня хочет.

— Помоги..., — прошу её.

Глава 10

Охренеть!

Что она здесь делает?

Чуть не подавился, заметив её, летящую в нашу сторону.

От этой шизанутой, на всю голову, мадам, можно ожидать чего угодно. Не думаю, что она, за эти годы, изменилась сильно. Такие не меняются.

Руки вспотели, потряхивать начинает, как салагу какого-то. Неприятно. И ведь не сделать ничего, не вышвырнуть её при стольких свидетелях. Что люди-то подумают? Родственнички новые, что подумают?

Может пронесёт, хорошо ведь всё было уже?

За эти несколько дней, всё немного утряслось. Не так, как было, конечно, но это пока. Самый пик уже прошёл и дальше должно было быть только лучше. Перетерпеть ещё немного и всё наладится, вернётся на круги своя.

Нинель хоть к телу меня своему и не подпускала в эти дни, и на матрасике мне пришлось спать, когда маман с братом приехали. Но вела себя вполне обычно: скандалов не закатывала, не истерила, и с мамой вела себя вполне привычно. Не грубила и ничего ей не рассказала, как я боялся.

Готовила, правда, меньше. Заказывала, в основном. Но никто об этом не знал. Мама только заметила, что пироги у неё изменились не в лучшую сторону, но она отшутилась

тогда: типа попробовала новый рецепт, больше так делать не будет.

Я когда маман с братом поехал встречать, цветы им купил: маме розы, как и положено взрослой даме, Нинель — пионы. Она убежала сразу в ванную со своим букетом, сидела там долго. Потом цветы в комнату отнесла, на видное место поставила. Сказала, что хочет, чтобы все любовались красотой такой. Чтобы все знали, что муж ей цветы дарит просто так, без особого повода. Раньше она цветы всегда в спальне оставляла, любила на них с утра полюбоваться. А тут решила выпендриться перед всеми, показать какой у неё муж хороший.

А я из кожи вон лез, доказывал всем, что так оно и есть.

Да, пришлось с братом покататься по его делам, вопросы его решать с поступлением, но это мелочи, по сравнению с тем, что могло бы быть.

Уверен был, что отойдёт она постепенно, как было это уже не раз.

И брат сможет у нас пожить потом. Не будет она возмущаться. Всё равно Варька уже отрезанный ломоть. Замуж выходит. Домой не вернётся, комната её пустует. А мне проще, и маме спокойнее.

Когда Варька с мужем своим будущим приехали, так вообще всё замечательно было. Объявили нам официально, что расписываться будут в Москве, по тихому, — только мы и его родители. Отмечать это славное событие будем позже, в

Черногории — дом у них там. Она пузатенькая уже, не знаю сколько у неё, но обещают внука нам подарить в скором времени. С Нинель шушукались постоянно, обсуждали что-то. Радостные, счастливые ходили.

Мужик мне её тоже понравился. Взрослый, лет на десять её старше. И это хорошо. Нагулялся, денег заработал. Самое время семью заводить.

Я то женился вон почти, как Артур был. Только двадцать один исполнился мне тогда. Только-только восстановился на учёбу, после армии, когда её встретил. Не отгулял своё, кровь кипела, крышу сносило при виде девочек. Но она мне очень понравилась, да и девчёнка хорошая была, не испорченная. Самое то для жены. До сих пор иногда вспоминаю её испуганные глаза в нашу первую ночь. Зацепила она меня тогда чем-то. Ну и забеременела сразу, деваться было некуда. Сам без отца рос, знаю, как это непросто.

Варька не вытерпела и сразу мне подарок всучила — часы. Точно такие же, как жена подарила.

Маман моя долго охала, ахала, восхищалась дорогим подарком, а потом, неожиданно, выдала:

— Дочь может часы папе дарить, а вот жене нельзя, — к расставанию.

Никогда в приметы не верил, но решил в тот момент: хрен вам, а не расставание. И перевёл жене деньги за подарок. Триста косарей. Немало. Но лучше не рисковать, разводиться я с ней не собираюсь. Меня всё устраивает.

Жене они браслет подарили от Cartier, тоже примерно по цене моих часов, если я правильно разобрался.

Деньги есть, значит, у мужика. Повезло дочери.

А я ей кольцо приготовил, но решил подарить на вечеринке, при всех.

Потом ещё родители его подтянулись. Вернее маман с ха-ха-лем своим, лет на десять так помладше её который будет. У них в Москве это запросто сейчас. Да и не только в Москве. Десять лет больше, десять меньше, никого уже давно такие нюансы не интересуют. Да и выглядит она у него шикарно. На миллион долларов, как у нас говорят.

На ужин, по случаю знакомства с новыми членами семьи, собирались у нас дома. Жена сама приготовлениями занималась, никого не подпускала. Все были в восторге. Удивить она умеет. Ни один ресторан, с кучей мишленовских звёзд, не сравнится. Так она умеет подать свои блюда. Алевтина, — мама жениха дочери, столько комплиментов ей наговорила, я аж загордился.

Всё очень хорошо прошло. Без сучка, без задоринки.

С Анжелкой тоже всё утряслось за эти дни.

Нос ей подправили. Обещали, что будет лучше прежнего. Она даже обрадовалась. Пока ещё в больнице, но идёт на поправку. Скоро выпишут.

Стрясла она с меня проект и коммуникации для дома своего. Пришлось раскошелиться. Но тут уж ничего не поделаешь. За спокойствие придётся заплатить.

Правда, участок она себе купила в паршивом месте. Кто только ей уже не говорил об этом. Но ладно, дело её — хочет, значит, — будет. Её не переспорить, проще согласиться.

Пришлось друзей потрясти, проектик им заказать. Ей хоть в больнице теперь есть чем заняться, кроме того, чтобы письма мне строчить целыми днями.

Сказала даже, что сама виновата...немного, после того, как я ей всё оплатил.

На том дело и замяли.

И я выдохнул с облегчением.

Сам юбилей, решили отмечать в ресторане. В одном из лучших. Да и гостей немерено понаехало, дома бы не разместились никак. Пришлось зал выкупать полностью, чтобы и спеть можно было и потанцевать было где. Некоторые со своими инструментами пришли. Вон Лёха, уже даже свой саксофон продемонстрировал всем, так было невтерпёж. Собрались родственники и друзья, коих у меня немало. Даже Борькины родители приехали по такому радостному случаю. От Нинель, только её родители, да несколько подружек. Юльку не считаю за подругу, она семья наша, считай уже. Дочь мою к поступлению готовила, с рождения с ней возилась.

Многие издалека прилетели. Айрат, в кои веки, выбрался к нам, а он у нас почти иностранец теперь. В Португалии окопался.

Хотел ему сюрприз по такому случаю сделать, Ритку пригласить, но она, сучка такая, на звонки мои не отвечала.

И вот...

Они расходятся в разные стороны, а по моей спине холодная капелька пота сползает медленно. Раздражает адски.

— Держись старик, — бросает в мою сторону Айрат и встаёт, чтобы лично встретить свою зазнобу. Никак забыть её не может.

А Марго обнимает меня за шею, и смачно чмокает в губы:

— Я скучала по тебе, дорогой, — на весь зал заявляет.

Кто-то громко закашлялся в этот момент...

Глава 11

— Ты где это так загорел Ванюша? Вроде не сезон тут у вас..., — продолжает Марго, а свекровь начинает кашлять сильнее.

Постучать бы ей по спине, задохнётся ещё чего доброго. Но я не могу выпустить из рук стакан, который сжимаю с тех самых пор, как их увидела.

Я пригласила Риту, чтобы она меня поддержала сегодня. Не к кому было обратиться. Странно, конечно, но так получилось, что в этот момент, в голову мне пришла только она.

Нет, я могла бы и Юльку попросить. Она бы мне не отказала. Но быть уверенной, что она не расскажет такой большой и важный секрет своему мужу, раньше времени, я не могла. Нинка на развод решилась, как же об этом не рассказать?! Да ещё не где-нибудь, а на собственном юбилее! — новость для первой полосы местной «сплетницы».

А выбора у меня особого и не было. Понимала прекрасно, что решить этот вопрос по-тихому, — невозможно. Кох бы даже слушать меня не стал. Перевёл бы всё в шутку или, чего доброго, на угрозы бы перешёл.

И я опять пошла бы на попятную, поверив в его «последний раз». Не хочу.

Тут, хотя бы, есть шанс, что хоть кто-то меня поддержит. Кроме Риты...

Я очень давно её не видела. В последнее время она была в постоянных разъездах, не заходила к нам. Да и созванивались мы с ней нечасто. Студенческие годы прошли, у каждого своя карусель.

С Марго так вообще, как учёбу они свою закончили раньше времени, так и не встречались больше. Да и не были мы с ней близки никогда.

Но Рита мне не отказала. Из-за Айрата, возможно, но это уже не так и важно для меня.

Когда-то эта сладкая парочка, — Марго с Риткой, зажигала в общаге так, что дым коромыслом шёл. Вернее, зажигала Марго, а Рита вытаскивала её из передрыг, в которые та, с лёгкостью, попадала.

Никто не понимал, как они могут вообще дружить друг с другом, такие разные.

Казалось, кроме одного факультета, их не может связывать ничего: спокойная, всегда немного задумчивая Рита и взрывная, абсолютно безбашенная Марго, вечно ищущая, приключений на свою задницу.

Из-за роста одинакового и дулек на голове, с которыми они почти всегда ходили, как и положено хореографиням, многие их путали. Особенно, когда они одинаково одевались. Принимали за сестёр.

— Близнецы мы однайцевые, — говорила всем Марго, — нам даже имена одинаковое дали, чтобы не мучиться, — добавляла, сбивая всех с толку.

Никто не понимал никогда, зачем Марго нужен был Димон, как она называла свою жертву: спокойный парень, из маленького, провинциального городка, как будто сорвался с цепи, когда она его бросила.

Мало кто верил в их неземную любовь, но все прекрасно знали, что это из-за неё он бросил девушку, которой, до знакомства с ней, сделал предложение.

Димон ходил тогда за ней по пятам. Спал под её дверью, не давая ей прохода ни днём ни ночью. А она посылала его, и во всеуслышание заявляла: «да лучше я под трамвай лягу, чем под тебя!»

Но его даже это не останавливало. У него, как будто, крышу сорвало. Обезумел парень. Однажды накинудся с ножом, на якобы соперника, который оказывал ей знаки внимания.

Наблюдающие за их противостоянием, разделились на два лагеря.

Кох, естественно, встал на сторону друга, приложив немало усилий, чтобы сделать жизнь Марго в общежитии невыносимой. Третировал её постоянно, угрожал. Он вообще друзей своих никогда в беде не бросал. Друзья его ценят за это.

В подробности их взаимной ненависти, не вникала. Кох не делился, да и Ритка тоже. Но ходили слухи, что стычки там были у них серьёзные.

А уж историю, когда Кох чуть было не сорвал поездку Марго домой, отобрав у неё документы и билеты, и та вынуждена была прятаться на крыше общежития без трусов, пока

девчонки Риту искали, — знала вся общага.

На тот момент, накал страстей уже вроде прошёл. Казалось, что всё устаканилось и забылось. Марго с другим уже встречалась. Из местных. И в общежитии не жила уже. Но в те самые дни, перед каникулами, он у неё, как раз на гастроли укатил, и она приехала с вещами к подруге, чтобы на следующий день, вместе с ней, лететь домой.

И кто-то её сдал.

Да ещё парни в тот день, что-то отмечали, как назло. Их и понесло...

Кох, говорят, зашёл в комнату к Рите, перевернул все матрасы на кроватях, вместе с девчонками, которые уже спали почти. Марго искал. По счастливой случайности, она в тот самый момент, вышла в туалет подмыться, как это практиковалось в общежитии, поскольку душ закрывался довольно рано. Услышала его бас и сиганула на крышу, почти в чём мать родила.

Девчонки бедные перепугались до смерти, пока он выпытывал у них, где Марго скрывается.

Как Ритка её нашла, никто не знает. Но к утру нашу общагу окружили плотным кольцом местные друзья то ли парня, то ли уже мужа, Марго.

Айрат ходил с ними договариваться. Один. Отец его личность известная, многие его знают. Удалось ему тогда конфликт замять, без особых потерь. Спас, можно сказать, Коха.

Больше Марго в общежитии не появлялась. Да и Рита тоже

нечасто заходила. После той ночи, многое изменилось в её жизни.

Когда Рита сказала мне, что придёт вместе с Марго, я немного растерялась. Но отступить было уже некуда.

Сама напросилась, что называется.

Все уставились на них удивлённо, когда они появились на горизонте. Никто, кроме Айрата, не знал, что они будут на празднике.

Но все их, естественно, узнали.

Они почти не изменились за это время... Так, совсем чуть-чуть...

Рита, как всегда, немного задумчивая, загадочная и очень красивая в тёмно-зелёном, длинном платье, выгодно подчеркивающее её идеальную грудь и тонкую талию. Высокий разрез, оголял её стройную ножку, при каждом шаге, привлекая к себе внимание. Небрежно собранные волосы на затылке, делали её длинную шею, ещё длиннее. И эта её немного грустная улыбка, в себя, всё та же.

Несмотря на волнение, заметила, как Айрат встаёт со своего места, чтобы встретить любовь всей своей жизни. Когда-то, он говорил, что лучшей фигуры, чем у его Риты, нет ни у кого больше в мире. Согласна с ним. Она, как статуэтка, выполненная влюблённым в свою модель, скульптором. Совершенна.

В своё время он долго её добивался, а потом, просрал, как он сам говорил. И очень жалел. За эти годы уже раза три

успел жениться и развестись. Но детей так и не завёл ни с кем. Интересовался всегда её делами, когда звонил. Искал с ней встреч. Переживал за неё.

Рассказать ему было нечего особо. Она ни с кем не делилась своей личной жизнью, но, кажется, как и он, всё ещё в поиске.

Я немного им завидую, если честно...И очень надеюсь, что они хотя бы нормально поговорят. Он так её любил когда-то...

Марго же заявила с короткой стрижкой почти под мальчика. Неожиданно. Но всё остальное было прежним: и платье ярко-красного цвета с юбкой-пачкой, чуть прикрывающей колени, как она всегда любила. И дерзкий взгляд. И необузданный нрав.

— Марго, ты очередного мужа, что ли прикопала там у себя в Италии? — басит, как ни чём ни бывало Кох, оправившись от первого шока.

Кто-то громко гоготнул в этот момент.

—Вань, я тут просветилась, — продолжает Марго, не снижая громкости, — «палочка Коха», оказывается, очень опасна для здоровья. Об этом говорил ещё твой дальний родственник, царство ему небесное, Роберт Кох, аж два столетия назад. — по залу проносится лёгкий смешок, а я уткнулась глазами в стакан, боясь посмотреть на окружающих. — Нин, слушай, — переключается она на меня, — тебе ещё памятник не поставили за такие риски? Но выглядишь потря-

сающе, — чмокает меня в щёку, — героическая женщина.

— Дамы и Господа! -- заглушает её последние слова Кох, поднимаясь со своего места.

И всё внимание приковано к нему.

Про Марго, как будто, все забыли.

Я почти не понимаю, что он говорит. Думаю, о том, что я струсил и не смогла осуществить задуманное. Он победил. Опять. Свекровь ещё потом не раз припомнит мне моих подруг непутёвых. И будет отчитывать, при каждом удобном случае, напоминая мне о своём больном сердце.

Ещё хуже становится...

Очухиваюсь, когда все аплодировать начинают, и саксофон зазвучал. Поднимаю глаза, вижу, как дочь мне показывает жестом, что нужно встать.

Встаю, а до меня вдруг доходит, что Лёха играет мою любимую, когда-то, песню: «Беспечный шёпот» (Careless Whisper) Джорджа Майкла, и саксофон его не хуже Стива Грегори сейчас звучит.

Все затихли. У меня слёзы на глаза навернулись. Так расстрогалась.

Великолепное исполнение. Интересно, кто выбирал композицию?

Музыка чуть затихает, позволяя Коху говорить:

— Самой лучшей женщине на свете, которая согласилась разделить со мной жизнь, двадцать лет назад. Моей жене, — вещает Кох.

Перед носом моим появляется коробочка, не опознать которую просто невозможно.

Как в тумане, протягиваю руку навстречу кольцу, на глазах у затаивших дыхание, гостей...и...

...И кольцо не налезает на мой палец...

Сжимаю в растерянности кулак.

Смысл песни сразу вспоминается: Джордж посвятил её последнему танцу со своей возлюбленной детства, которая разорвала с ним отношения, узнав, что он всё это время, встречался ещё и с другой.

— Это к разводу, — говорю негромко и совсем не то, что репетировала часами, готовясь к этому вечеру.

Но в зале такая тишина стоит, что слышат меня все абсолютно.

— Щас спою, — возвестила громко Марго, заглушая слова Коха...

От автора:

«Палочка Коха» — бактерия *Mycobacterium tuberculosis* впервые была обнаружена немецким врачом и микробиологом Робертом Кохом. В его честь бактерию называли «палочкой Коха».

Стив Грегори — английский джазовый саксофонист и композитор. Именно его саксофон звучит в песне Джорджа Майкла.

Глава 12

— Лёх, сыграй-ка нам что-нибудь нашенское, надоела эта иностранщина, — громко просит Марго, не обращая внимания на пытающегося её перебить Коха.

Это представление становится невыносимым. Начинает кружиться голова. Сажусь на стул и с мольбой уже, смотрю на Марго, надеясь что она сжалится надо мной и прекратит это показательное выступление.

Но она вошла во вкус и останавливаться, похоже, совсем не планирует. Наоборот, веселье её только-только набирает обороты. Она с шумом поднимается со своего места и театрально выдохнув в сторону Коха, опрокидывает в себя рюмку с водкой. Вздрагивает. Со стуком ставит рюмаху на стол. И, демонстративно поправив декольте на своей, совсем не выдающейся груди, выходит из-за стола, громко объявив:

— Пойду-ка, тряхну стариной. Кто со мной?

И топнув каблучком, идёт на танцпол, поигрывая подолом юбки.

Осознание того, что я больше ничего не контролирую на этом празднике жизни — пугает. Становится неудобно перед дочерью, её будущим мужем, свахой и всеми собравшимися. Ругаю себя, за то, что решилась на всё это. И молюсь, чтобы только на дочери это всё не отразилось. На себя уже плевать.

— Марго, я с тобой, — неожиданно объявляет Алевтина.

И все головы разом поворачиваются в её сторону. А я краем глаза, успеваю заметить, что сын её улыбается сидит, демонстрируя ей большой палец, в знак поддержки.

Она также лихо опрокидывает в себя рюмочку, поправляя-ет декольте, поймавав показательно грудь, совсем неплохую, надо отметить. И, залихватски так, взмахнув рукой, выходит из-за стола, навстречу Марго.

Лёха тут же поддерживает их цыганочкой, к нему радостно присоединяется Борька с гитарой...

Приехавший с ней мужчина, начинает им громко аплодировать...

Все переключаются моментально на выступающих...

Я выдыхаю с облегчением, получив, так необходимую мне, передышку. Но счастье моё длится недолго.

— Нинель, ювелир завтра же всё исправит. Это какое-то недоразумение, — наклоняется к моему уху Кох, обдавая меня ароматом незнакомого мне парфюма, от которого меня резко начинает тошнить.

Да так сильно, что это становится невыносимым и...опасным..

Прикрываю нос рукой. Отворачиваюсь от него.

Все последние дни, чувствовала себя почти идеально. Подташнивало немного по утрам, но всё было вполне терпимо и в пределах нормы. Один раз только чуть не вырвало, когда Кох пионы мне пахучие притащил. Пришлось в туалет с ними бежать, чтобы никто ничего не заподозрил, да подаль-

ше от носа своего их пристроить.

В остальном же, всё прекрасно было. Даже врач, сначала намеревавшаяся положить меня на сохранение, изучив внимательно результаты анализов и УЗИ, благосклонно отпустила меня домой. Строго наказав: соблюдать режим и ни в коем случае не волноваться, если уж ребёнка решила сохранить. Всё-таки не восемнадцать уже. Ударные дозы магния и капельницы, помогали мне чувствовать себя почти в домике, до сегодняшнего вечера.

Пытаюсь встать, прикрывая нос салфеткой.

Кох кладёт руку мне на плечо, силой усаживая меня на место и опять наклоняется к моему уху, продолжая мне что-то нашёптывать.

Мне так плохо, что я готова уже ему признаться в том, что у меня отекли руки и даже обручальное кольцо мне стало в эти дни туговато, поэтому я его сняла.

Но от подступающей к горлу тошноты, не могу вымолвить ни слова. Пытаюсь скинуть его руку со своего плеча, но он сжимает пальцы сильнее, делая мне больно, не позволяя сдвинуться с места.

— Кох, да заткнись ты уже, — грубо вмешивается Рита, заметив моё состояние.

И он, наконец, затыкается. Концентрация, вызывающего тошноту, парфюма и его давление, чуть ослабевают.

— Пойдём выйдем, — шепчет она мне и встаёт

А я залипла, вдруг, на Айрате. На взгляде его залипла.

Как же он на неё смотрит! — взглядом полным восхищения и обожания. Не дотрагивается до неё. Ни пальцем, ни даже дыханием. Просто смотрит...

Смотрел ли на меня так Кох когда-либо?

Не помню.

А мы ведь с ним познакомились примерно в то же время, что и они.

Да, у нас складывалось всё совсем по-другому.

Но смотрел ли он на меня глазами полными любви и восхищения, как Айрат сейчас смотрит на Риту?

Я не помню...

И так пусто от этого становится.

Поднимаюсь с места, опираясь на её руку, и на ватных ногах, иду в туалет.

Нафиг я эти каблуки на себя напялила!?

— Слушай, мне бы воды, — говорю Рите, присаживаясь на креслице и скидывая с ног ненавистные туфли.

— Сейчас сгоняю, — отзывается она.

— Не уходи, а? — прошу её.

Мне так страшно оставаться одной. Так страшно, что знобить начинает и низ живота, впридачу, начинает неприятно потягивать.

— Ты чего Нин? -- наклоняется она ко мне. — Ты такая бледная, — рассматривает меня внимательно, — ты расстроилась что ли? Да забей ты на всех, о себе думай. Кому нужно — поймут, а на остальных, — плевать. Дыши давай, ничего

не случилось... — суетится она вокруг меня.

— Меня так сильно затошнило, — говорю ей и начинаю дышать. Тошнота немного отступает. — Кох наклонился ко мне когда, а я не пойму: то ли парфюм у него новый, то ли я на старый так реагирую...

— Это у тебя на уровне подсознания отторжение начинается, хотя умом ты продолжаешь всё ещё держаться за соломинку, — хохотнула она, — Айрата сейчас попрошу нам воды принести.

Кто-то начинает с силой дёргать дверь.

— Нахрен всех, сиди, — командует она и я с наслаждением откидываюсь на спинку. Начинаю успокаиваться. — Ничего он тебе не сделает, он сейчас ещё и, — в дверь тихонько поскребли, — Айрат, — не заканчивает она предложение и открывает дверь.

Но из-за широкой спины Айрата смотрят на меня недовольные глаза дочери, за которой стоит... Алевтина...

Приплыли...

— Ма-ам, — дочь моя отодвигает дяденьку Айрата, — это что это там сейчас было? — возмущается.

А я сижу и смотрю сквозь неё на сваху свою, которая мне широко улыбается, помахивая рукой...

— Нинель, вот ты где от нас спряталась!?!-- восклицает она, просачиваясь сквозь мою дочь, — слушай, давно я так не веселилась, — машет ладошкой перед своим лицом. — Думала со скуки сдохну тут у вас, когда ехала, а сейчас хоть

будет что вспомнить, -- забирает у Айрата бутылку с водой, — молодой человек, оставьте нас ненадолго. Ничего мы с вашей любимой не сделаем, заберёте потом её в целости и сохранности. И сколько у тебя уже? — наклоняется она ко мне.

— А что заметно? — я опешила.

— Ну так я так-то не девочка уже давно, скажу тебе по секрету, хоть и не откажусь ещё в этой роли немного побыть...

— Ма-ам..., — слышится недовольный голос дочери. — Это правда?

— Да, мы разводимся с твоим папой. Это правда...

— Нинель, это несерьёзно, — откуда ни возьмись, появляется в дверях Кох. — Ну сама подумай. Это всего лишь косяк ювелира, такое иногда случается. Да, неприятно, но я завтра же всё исправлю. Обещаю тебе...

— Это не из-за кольца, ты знаешь, — говорю ему.

— Это даже не обсуждается Нин, я тебе уже говорил.

Я вспыхиваю неожиданно, хочу ответить ему, но Алевтина меня опережает:

— Да это вообще Иван не от тебя зависит, что ты заладил: несерьёзно, не обсуждается, как будто у жены твоей права голоса нет. Как миленький разведёшься, ещё и алименты платить будешь...

Кох вытаращил глаза в недоумении.

— Ма-ам, это правда? — взвизгивает дочь.

По ногам моим потекло...

Глава 13

— Доброе утро, красавицы! — заходит к нам высокий, интересный мужчина и сразу направляется в мою сторону. — Это что это ты нам вчера тут устроила? — наезжает, можно сказать, присаживаясь на стул, рядом с моей кроватью.

Я растерялась...

Девчонки с утра мне успели уже немного рассказать, про нашего доктора, от которого они все тут без ума.

Но я всё равно не ожидала увидеть перед собой вот это вот молодое явление, с неформальным пучком на голове.

Сколько ему лет интересно?

Скорую мне вызвали сразу. Алевтина с Ритой такую деятельность развели, что скорая к нам приехала почти мгновенно. Прилетела, можно сказать. Отвезли меня в ближайшую больницу, самую обычную, дежурную. Алевтина просила лучшую, убеждая всех, что мы тут на всё готовы ради неё и за ценой не постоим. Но приехавший врач убедил нас, ехать в дежурную: каждая минута на вес золота. В лучшую ехать почти час, а эта за углом — пять минут. Окажут первую помощь и везите куда хотите.

На том и порешили.

И минут через десять я была уже на месте.

В больнице, под напором сопровождающих, без расспро-

сов и промедлений, меня сразу увели в операционную. Пока маленькая, сухонькая, неопределённого возраста, женщина-врач готовилась к осмотру и задавала мне стандартные вопросы, я успела свыкнуться с мыслью: что раз уж не суждено мне родить этого ребёнка, значит так тому и быть. Морально подготовилась к худшему.

И даже немного успокоилась. Сердечко, конечно, противилось таким мыслям, но я изо всех сил, пыталась рассуждать здраво: у меня есть ради кого жить, внук вон скоро родится, есть кого любить.

— Всё нормально, — сухо доложила врач, вытаскивая из меня руку, и внимательно рассматривая перчатку в моей кровищи. — Ребёнка оставляем? — впервые поинтересовалась она.

— А это? — показываю я на её окровавленную руку, от вида которой меня замутило. Так жутко она смотрелась.

— Да это вообще ерунда... — безэмоционально заявила она стягивая её с себя, — это твоя кровь, ребёнок на месте...

— Конечно, — поспешно отвечаю, пытаюсь сползти с гинекологического кресла, совершенно не помня, как я на нём оказалась.

— Куда? — резко одёргивает она меня, — лежать и не дёргаться, пока врач не разрешит, иначе ребёнок тебе этого больше не простит. — Оленька, по доброму так кричит на весь коридор, несмотря на позднее время.

К нам почти сразу забегает рыженькая, молоденькая де-

вушка, с короткой стрижкой под мальчика, и множеством колечек в ухе.

— В палату её, к Евгению Николаевичу. После капельницы на узи, и проследи, чтобы она не вставала. Объясни ей, как пользоваться уткой, если она вдруг подзабыла, а я спать. Устала, как собака — даёт инструктаж медсестре, больше не обращая на меня никакого внимания.

Становится не на шутку волнительно. Я тут уже обнадежила себя, а она уходит. Как вообще эта молоденькая, неопытная девочка сможет нам помочь, если что-то случится?

Но Оленька, тут же развивает бурную деятельность вокруг меня, не позволяя мне больше сомневаться в своём профессионализме. Прямо на кресле, делает укол, помогает перелезть на каталку и везёт вдоль заставленного кроватями коридора в палату, стараясь сильно не шуметь и не задеть лежащих в коридоре больных.

— Да, да, — успокаивает она меня, заметив мой испуганный взгляд, — у нас так во время дежурства. Всё битком. Мест нет вообще. Но специально для тебя мы местечко приберегли, — тихонечко хихикает.

Заталкивает каталку в палату и, не включая свет, почти на ощупь, вводит мне в вену иглу. С первого раза.

И я задремала. Открывала глаза только когда кто-то вставал в туалет, а потом опять отключалась. После капельницы тоже в туалет жутко захотелось...

— Можно мне до туалета и помыться бы? — шёпотом спрашиваю, прибежавшую убрать капельницу Оленьку.

— Мыться будешь, когда родишь, если время будет, — хотнула весело она и подала утку. — Не стесняйся, все свои. Через пять минут на узи тебя повезу.

Пока делали узи, Ольга заполняла мою карточку, заглядывая периодически в монитор. Такие вопросы задавала, ответы на которые я уже с трудом и вспоминала. Не готовилась я к такому грандиозному событию. Даже мысли никогда не возникало, что на ребёнка решусь. А тут вот...в самый подходящий момент, как насмешка свыше.

— Танцевала поди? — усмехается врач, делавшая мне УЗИ, посмотрев на моё вечернее платье, в котором я так и катаюсь по ночным коридорам больницы. — Гематома есть, приличная. Полежать придётся. Ребёнок в норме, сердечко бьётся. Послушать хочешь? — разворачивает она ко мне экран, в который я тут же втыкаюсь взглядом, пытаюсь рассмотреть там своего малыша.

Эмоции накрывают с головой от звука биения маленького сердечка. Такого редкого пока ещё, но уже такого любимого мною.

Беременность, в которую я с трудом верила до сего момента, становится реальной, осязаемой, бесконечно родной. Сердце тает от умиления. Губы трясутся. Слёзы счастья застилают глаза.

Я так тебя люблю малыш. Так люблю...

Ничего подобного никогда не ощущала, когда Варварой беременная ходила. Или не помню я уже ничего. Так быстро это всё забывается, за повседневной суетой. Но тогда я воспринимала своё положение, как данность, как обычное явление. А сейчас всё по-другому. Всё острее. Во сто крат всё острее.

Может возраст ещё имеет значение.

Скорее всего...

Ольга потом принесла мне ночнушку, выдавшую виды: с дырками, с пятнами и слегка попахивающую хлоркой. Помогла вылезти из платья. И я задремала...

Утром девчонки разбудили, начали ходить, шушукаться. Молоденькие все. Успокаивать меня все наперебой начали, поддерживать, истории свои рассказывать.

Соседка моя по кровати, так вообще сказала, что приехала с полными сапогами кровищи. Так что у меня, оказывается, не самая патовая ситуация. Бывает и хуже.

И у нас тут самый лучший врач. К нему из других городов приезжают. У него все рожают. И ты родишь, даже не сомневайся.

Этот самый врач сидит сейчас рядом со мной и весело на меня поглядывает.

А у меня беспрерывно дзынькает телефон, который я забыла выключить.

— Ответь. Скажи, что занята, имя для ребёнка выбираешь. А я ещё раз твоё узи посмотрю.

Выключаю быстренько звук, чтобы не нервничать. Открываю сообщение от Алевтины, пока он сосредоточенно узи моё изучает:

«Дайронас Евгений Николаевич — очень хорошие отзывы. Думаю, что есть смысл остаться у него. Список препаратов и витаминов у нас уже есть, после обхода, всё завезём. Все коммерческие палаты у него пока заняты, но он клятвенно обещал иметь тебя в виду. Хотя, лежать тебе долго, может в компании и лучше, а то взвоешь там в одиночестве. Ладно, потом решим. Лежи пока, отдыхай. Когда угроза пройдёт, займёмся другими вопросами»

И следом...

«Был женат. В настоящее время, свободен. Говорят, хорош собой»

Щёки мои, естественно, запылали.

— Пелёнку показывай красавица, — обращается ко мне Евгений Николаевич, откладывая мою карточку.

Откидываю одеяло...

Никогда у меня ещё не было гинекологов мужчин. Всегда женщин себе выбирала.

Хорошо хоть зарости не успела. К встрече мужа, как никак, готовилась. В порядок себя усиленно приводила.

Боже, о чём я думаю?

Глава 14

Ходил ещё несколько дней и охуевал от своего юбилея...

Даже про Марго забыл, которую намеревался прибить. Хорошо, что она исчезла бесследно, а то, не приведи господь, осуществил бы я свои планы давние, и отвечать бы мне пришлось за эту дуру безмозглую.

А кулаки чесались.

Поначалу я и не понял ничего. Алевтина с Риткой меня из туалета выперли в четыре руки, и дверь перед моим носом захлопнули. Что за хуйня? Я долбиться начал пока Айрат меня от дверей не оттащил.

Дошло немного только когда гостей незваных в белых халатах приметил...

И началось...

Нинель увезли в неизвестном направлении, так меня к ней и не подпустив. Следом Варьку увезли. Но эта ладно, у неё муж есть, он за ней там бегал, да и отпустили её почти сразу, как я понял. Я их пару дней потом, не слышал и не видел. Чем-то они сами по себе занимались. Не звонили даже.

Тестю тоже плохо стало. Сидел весь вечер, молчал, уткнувшись в тарелку, а тут ему поплохело, неожиданно. К счастью, тёща у меня дама крепкая, на себя его взяла, а то бы я вообще с ума сошёл в дурдоме, который мне маман устроила...

Ей так плохо стало, что тоже пришлось скорую вызывать, когда всех почти уже развезли. Знал бы, что она мне будет потом мозг взрывать ещё несколько дней, оставил бы её в больнице нахрен.

Как её жена моя переносит? Она же ни на минуту рот не закрывает. Ходит по пятам: то ей плохо, то ей стыдно так, что жить не хочется, то у неё бессонница от того, что ей стыдно и плохо, и поэтому она мне спать не даёт до утра. Только за телефон хватаюсь, чтобы скорую вызвать, мать всё-таки, ей сразу лучше становится, да и не хочет она меня лишний раз обременять своими проблемами.

Заебался я с ней.

Пожалел миллион раз, что на неделю отпуск взял. Выдохнул с облегчение, когда проводил их с Артуром домой. Этот сопляк ещё, свалил всё на меня. То с друзьями где-то шарохаётся до полуночи, на мать ему наплевать, то в комнате закроется и не достучаться до него. Без жены больше вообще в дом не пущу. У неё как-то получается с ними справиться, а я нет. Я пас. Нервы мои не выдержат больше нагрузки такой.

Только маман с брательником проводил. Выдохнул с облегчением. Варька тут как тут. Отошла, и мозг мне начала выедать: зачем вам ребёнок? У вас внук скоро родится. Как я буду друзьям в глаза смотреть? Кто мне помогать будет теперь?

Я охренел поначалу от её наездов.

Эти сучки, мне ведь так и не рассказали ничего. Типа всё

нормально, ей нельзя волноваться. И вообще не лезь в наши бабские дела, своими занимайся.

Разозлился я немного.

Моя жена на минуточку! Волноваться ей нельзя...

Но не до неё были первые дни. Решил не дёргаться.

Когда Варька позвонила, так я растерялся даже. Не ожидал я такого сюрприза в расцвете лет. Поначалу дочь поддержал. Успокоил её, чтобы не волновалась. Беременная как-никак.

А потом подумал: а почему бы и нет? Вдруг пацан? Я ведь подумывал про пацана, да всё не до этого было. То молодые были, и одного ребёнка было многовато, а потом как-то по-неслось, поехало по накатанной, голова уже другим была занята. Так, мысль мелькнёт иногда, и улетучивается бесследно. А тут вот, само собой всё получилось. Ну и пусть.

И Нинка занята будет, а то по ходу делать ей нечего в последнее время, со скуки с ума сходить начала. До развода додумалась. Баба вообще не должна без дела сидеть, чтобы мысли дурные в голову не залетали. Вот пусть делом и займётся.

И, естественно, я узнал всё...

Не дёргал её несколько дней, дал время успокоиться.

Да и времени особо не было.

То маман, то вон Анжелку выписывают с новым носом. До дома попросила подкинуть.

— Как тебе? — крутит головой в разные стороны, демон-

стрируя мне обновку. Я вроде как решил с ней завязывать. Тем более, что пополнение меня вскоре ожидает. Надо к ро-ли молодого отца готовиться. — Ништяк, — показываю ей большой палец. Отёк у неё ещё до конца не спал, но уже за-метно, что над физиономией её хорошо поработали.

Жалко даже стало, вложения свои отдавать в чужие руки.

— Ванюш, а ты купил, то, что я тебя просила? — вот ни-кто меня так не называет, кроме неё и сучки Марго.

Но ладно, ей простительно.

— Там, — показываю на пакеты на заднем сиденье.

— Ты уж прости, что я тебя загрузила в эти дни, но мне совсем не к кому обратиться, — немного виновато мне со-общает, пристёгивая ремень безопасности.

Что это с ней?

— Да ничего, обращайся, — само вырвалось.

Мы почти с ней не общались в последние дни. Не до неё мне было. Так, несколько сообщений за день. Все необходи-мости она себе сама заказывала. Не ныла, не капризничала. С пониманием отнеслась к тому, что у меня гости важные. Дочь как-никак замуж выходит. Про юбилей я ей не говорил. Незачем ей знать такие подробности.

— Как всё прошло? — интересуется.

— Нормально, — отвечаю, самому заржать истерично хо-чется.

Даже нажраться с мужиками не получилось. Пока по ка-ретам всех распределял, уже никого в живых не осталось.

— Как жених у Варвары, понравился?

— Да, хороший мужик. Состоятельный. Дом вон у него в Черногории, — хвастаюсь.

— Да ты что? Умница какая она у тебя, — вроде как радуется за меня. Приятно. — А я скучала по тебе, — откидывается на кресло. Улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.